

ЗУБРЫ
ОТЕЧЕСТВЕННОГО
СЫСКА

Андрей ТОЛОКОВ

***Смерть
ПОЗВОНИТ
сама***

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т52

Художественное оформление серии *С. Курбатова*

Толоков, Андрей.
Т52 Смерть позвонит сама / Андрей Толоков. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (Зубры отечественного сыска. Детектив по реальным событиям).

ISBN 978-5-04-229379-5

Начало семидесятых. Тихую жизнь провинциального городка на Волге взрывает жестокое преступление. В телефонной будке на окраине города ножом убита молодая женщина. Тут же — выпотрошенная женская сумочка. Очень похоже на разбойное нападение. «Сосланный» из столицы капитан милиции Константин Немирович подключается к расследованию. Очень скоро он понимает, что местные оперативники торопятся закрыть дело, обвиняя в содеянном первого же подозреваемого. Вскоре происходит еще одно похожее убийство. Капитан понимает, что нужно брать инициативу в свои руки и объявляет неизвестному маньяку войну...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-229379-5
© Толоков А., 2025
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Глава первая

По семейным обстоятельствам

Парадокс заключался в том, что Костя Немирович не хотел вступать в партию, а пришлось. Не сказать, что уж прямо из-под палки он туда вступил, но намеки начальства были настолько жирные, что не понять такое мог лишь олигофрен. Полковник Квасненко, недавно назначенный секретарем парткомиссии управления, активно занялся, так сказать, партийной демографией. У него был пунктик: вовлечь в ряды руководящей и направляющей как можно больше адептов. Как ни пытался увернуться Немирович от вступления в партию, не получилось. Пришлось подчиниться. Процесс этот был мутный и формальный. Через год Константинову вручили партбилет.

— Поздравляю вас, Константин Сергеевич, — судорожно тряс руку Немировичу секретарь парткомиссии Квасненко. — Теперь вы член партии. Теперь вы в первых рядах несете знамя борьбы с преступностью.

Костя смотрел на этого невысокого человека с тоненькими черными усиками и высоким, наполовину женским, наполовину мужским, голосом и спрашивал себя: неужели этот коротышка и правда верит в то, что мелет? От того, что в кармане Немировича появится эта красная шершавая корочка, ровным счетом ничего не изменится. Как искал Костя супостатов, как распахивал их по колониям, так и будет делать это впредь. А корочку, пожалуй, он оставит

в сейфе. И ей будет спокойнее, и ему лишний раз она не будет мешаться.

Сегодня, майским днем, Немирович Константин Сергеевич стоял в коридоре управления. Напротив дверь парткома. Там, за дверью, шла битва. Ему бы в ней поучаствовать, но попросили выйти. Коридор был узкий и слабоосвещенный. Экономика должна быть экономной. Вот на лампочках хозяйственный отдел и экономил. Единственный источник света — это большое окно в торце коридора. Немирович стоял, прислонившись к стене. Мимо проходили люди. Кого-то он знал, здоровался, кого-то видел в первый раз. Костя ожидал уже минут десять. У него возникло желание плюнуть на все и уйти. Он бы так и сделал, если бы не его начальник Кривошеев. Немирович знал, что сейчас там, за этой дубовой дверью парткома, Вячеслав Романович бьется за будущее своего подчиненного Кости Немировича по прозвищу Станиславский.

Константин вдруг вспомнил, из-за чего начался весь этот карнавал, и усмехнулся. Утром, сразу после совещания в отделе, Вячеслав Романович попросил Немировича задержаться.

— Ну что, — сказал Кривошеев, постукивая квадратным кулаком по столу, — допрыгался?

Немирович опустил голову. Ему было что ответить, но Костя не хотел «поднимать» нервы начальнику перед заседанием партийной комиссии.

— Ты хотя бы подумал, как будешь отбиваться от Квасенко, — продолжал Кривошеев.

— А чего мне отбиваться? — возразил Костя. — Ну исключат меня из партии, одним оборотом меньше будет.

— Ты чего, пришибленный, что ли? Если тебя из партии выгонят, тебя и из милиции попрут. Ты это понимаешь?

— Из милиции-то за что?

— За моральный облик. — Кривошеев провел рукой вдоль фигуры Немировича сверху донизу.

— А! Облико аморале. — Костя скривил лицо. — А если я не люблю свою жену, поэтому ей изменяю. Это никак в учет не берется?

— Не берется. И потом, Костя, чего ты мне тут поешь, а? Ты лапшой можешь засыпать уши Квасненко. А мне-то не надо.

— Какая лапша? — вздернул плечи Немирович. — Это истинная правда. Ну не люблю я Полину и не любил никогда. А женился по той же причине, по которой и в партию вступил.

— Ну да, Савельев тебя заставил жениться на своей дочери. Тебя, кобеля, заставил. Я сейчас от смеха лопну, Константин Сергеевич. Твоей любимой фразой отвечу: не верю! Понятно? Не верю!

— А зря, Вячеслав Романович, — возразил Немирович. — Он, то бишь генерал Савельев, меня в такой угол загнал. Либо я веду Полину в ЗАГС, либо я еду опером в Улан-Удэ. А мне мой папа говорил: «За Волгой для нас земли нет!»

— Вот скажи мне, Немирович, почему я тебя терплю?

— Потому что я хороший опер, — при этих словах Константин высоко и гордо поднял голову. — Заметь, Романыч, старший опер.

— Чует мое сердце неладное, — с досадой произнес Кривошеев. — Машину у тебя Полина еще не отобрала?

— Нет пока.

— Поехали сдаваться.

В машине ехали молча. Гулко урчал мотор «Москвича-408», легко пробегая по свежим заплаткам на асфальте. Ехали молча. Каждый думал о своем. Кривошеев собирал и откладывал в голове аргументы для секретаря парткомиссии. Вячеслав Романович уже знал, насколько Квасненко жаждал показательной казни для Немировича. А Костя вспоминал то злополучное утро, когда внезапно открылась дверь и на пороге появилась Полина.

— Костя, ты еще дома? — громко спросила она из прихожей.

Что это за вопрос? Туфли Немировича стоят в коридоре, куртка висит на вешалке. Время шесть утра, хотя нет, еще даже нет шести. Где может быть Костя? Разумеется, дома. Но Немирович не отвечал. Он в этот момент смотрел в испуганные глаза Лизы, которая стыдливо прикрывала одеялом обнаженную грудь. Константин смотрел на Лизу и прокручивал в голове возможные варианты развития дальнейших событий.

— Жена? — беззвучно спросила Лиза, ярко артикулируя губами.

Костя прикрыл веки. Это был самый исчерпывающий ответ. Лиза вскочила с кровати. Она не хотела, чтобы Полина застала ее обнаженной, и начала судорожно одеваться. Девушка успела надеть лишь трусики. Дверь распахнулась, и картина подлой измены (это со слов самой Полины) предстала перед глазами. Полина смотрела обезумевшим взглядом на Лизу, девушка, трусливо дрожа всем телом, — на Костю, а Костя сел на кровати, обняв руками голые колени, и наглым взором наблюдал за реакцией жены. А что еще ему оставалось? Надо было избрать какой-нибудь способ защиты. Интуитивно выбрал самый примитивный — наглое спокойствие.

— Это... — Полина вытянула указательный палец в сторону Лизы. — Это...

— Да! — пошел в наступление Немирович. Он откинул простыню и встал во весь рост. — Это моя любовница. Мы с ней спим. Знакомить не буду. Поля, выйди, дай девушке одеться.

Полина с приоткрытым ртом выслушала мужа, поводи-ла указательным пальцем в воздухе и вышла из спальни. Костя показал жестом Лизе, что надо быстро одеться. Он был прав. У Полины шок пройдет очень скоро, и тогда предсказать ее реакцию будет невозможно. Лиза за какие-то се-

кунды облачилась в одежду и под прикрытием Константина вышла сначала в коридор, а затем и на лестничную клетку. Костя закрыл входную дверь и прошел на кухню, где у распахнутого окна застыла Полина.

— Поля, — тихо сказал Костя, — нам надо развестись.

Полина никак не реагировала. Она продолжала стоять и смотреть в окно.

— Ты меня слышишь? — уже громче спросил Немирович.

— Давно? — Голос Полины звучал хрипловато.

— Да. А какое это имеет значение, давно у меня любовница или только пару дней? Это как-то усугубляет деяние или облегчает ответственность?

— Ты тварь, Немирович. Ты предатель. — Голос Полины задрожал.

— Насчет твари я не возражаю, — цинично ответил Костя, — а вот предатель — это не про меня. Что я предал? Нашу любовь, которой никогда не было?

— Скотина! — Полина заплакала, прикрыв лицо руками. — Зачем ты женился на мне? Ты использовал меня. Ты женился, чтобы остаться в Москве.

— Не ври себе, Поля. Ты сама хотела, чтобы я на тебе женился. Ты так этого хотела, что противостоять твоему напору было невозможно.

— Зачем ты врешь? — Полина уже плакала в голос. — Зачем?

— Я не вру. Вспомни, я предлагал тебе повстречаться годик. Пожить, испытать свои чувства. А что сделала ты?

— Я ничего не делала, — оправдывалась Полина. — Я любила тебя и хотела за тебя замуж.

— Ну да. Объявила мне что, наверное, у нас будет ребенок. Только сначала почему-то объявила это своему папе. А уже твой папа поставил меня перед фактом. Потом оказалось, что Полина не беременна. Что это просто организм дал сбой. И мы в браке с тобой уже несколько лет, а ребе-

нок так и не появился. Даже кобыла рождает за двенадцать месяцев. А ты за несколько лет не справилась.

Полина повернулась, вытерла слезы, поправила волосы и подошла вплотную к мужу. Она заглянула Косте в глаза. Немирович безошибочно определил, что жена что-то задумала.

— Развестись, говоришь? — зашипела Полина. — А вот это видел?

Поля протянула руку, и Немирович увидел перед лицом фигу, исполненную маленьким женским кулачком.

— Просто так я тебе вот это не прощу. Я сейчас же позвоню папе, а потом в партком. Я испорчу тебе жизнь, Немирович.

Полина размахнулась и что есть сил ударила Константина в грудь. Она вышла из кухни и уже из коридора крикнула:

— Развод я тебе не дам. Не дожدهшься!

Полина выполнила свои обещания. Правда, она не ожидала, что реакция секретаря парткома будет настолько резкой и непредсказуемой. Квасненко взял курс на исключение из партии Немировича и увольнение из милиции. Опомнившись, Полина пошла к папе, а генерал Савельев занял нейтральную позицию, мол, сами выкручивайтесь. Давно уже не дети. Квасненко понял, что большой чин вмешиваться не будет, и вошел в раж.

И вот старший оперуполномоченный капитан милиции Немирович стоял в коридоре и ждал решения своей судьбы. Мнения членов парткома разделились надвое. Одни были за то, чтобы исключить Немировича из партии за аморалку, а другие — за выговор. Константина попросили выйти. Внутри парткома шла настоящая битва. Кривошеев против Квасненко. Профессионал против моралиста.

— Это была моя большая ошибка, — пафосно говорил секретарь, кипя от негодования, — рекомендовать Немировича в партию. Это вы, товарищ Кривошеев, ввели меня

в заблуждение. Теперь и вы, и я несем ответственность за поступки этого человека.

— Я и сейчас поручусь за него, — возразил Вячеслав Романович. — Какое отношение семейные дела имеют к его работе? Он оперативник от Бога. Он лучший в моем отделе.

— Не вспоминайте бога в моем кабинете, — заверещал Квасненко. — Вы еще перекреститесь!

Кривошеев едва сдержал себя. Он готов был грубо ответить на маразматические выпады маленького человека с крашеными усами, но понимал, что на нем ответственность за судьбу Кости.

— Извините, — сквозь зубы выдавил из себя Вячеслав Романович.

— Вы посмотрите, — продолжал нагнетать атмосферу Квасненко, — посмотрите, как он одевается. Эти вот синие штаны американские. Джинсы. Он больше похож не на работника нашего уголовного розыска, а на фарцовщика. Где он берет эту одежду? В магазинах такая не продается. Он же возомнил себя неприкасаемым. Если его тесть генерал Савельев, то это не значит, что ему позволено нарушать моральные нормы строителя коммунизма. Я за то, чтобы исключить Немировича из рядов КПСС.

— Подождите, — Кривошеев обратился к членам парткома. — Подождите голосовать. Я хочу добавить. Капитан Немирович совершил поступок, порочащий звание члена партии. С этим я не спорю. Но он не совершил преступления. То, что он изменил жене, это плохо, согласен. Осуждаю его за это. Но давайте хоть на минутку попытаемся его понять. Немирович молодой мужчина. Влюбился в девочку. Сорвался. Я предлагаю дать ему шанс исправиться. Я за выговор. Уверен — он одумается.

Немировичу еще пришлось долго ждать. Партийцы никак не могли прийти к единому мнению, принять решение. Разрешил все звонок генералу Савельеву. Константину Немировичу объявили строгий выговор, но это была только часть наказания. А вот вторая часть...

* * *

Поезд, громко постукивая колесными парами, двигался с черепашьей скоростью. Он даже не ехал, он переваливался с боку на бок, как старая утка. Чем дальше локомотив увозил состав на юг, тем более невыносимо было находиться в вагоне. Железная коробка накалялась, и пассажиры, казавшиеся расплавленными, томно смотрели на открытые окна купе в надежде дожждаться хоть малейшего дуновения ветерка. Напрасно. Состав двигался настолько медленно, что ни о каком дуновении можно было и не мечтать.

Константин намочил в туалете вафельное полотенце и положил его себе на шею. Какое-то время можно было вздохнуть с облегчением. Немирович посмотрел на часы. Полдень. Через три часа он будет на месте. Место — это районный городок на Волге с незамысловатым названием Прибрежный. Теперь этот город — его новое место работы. Так решили начальники в Москве. Это была ссылка. Только срок, на который Немировича сослали в Прибрежный, ему был неизвестен. Может, на год, может, на два, а может, и на десять.

— Я сделал все что мог, Костя, — говорил Немировичу Кривошеев, провожая своего лучшего опера в Прибрежный. — Думаю, скоро все уляжется, и я буду тебя возвращать.

— Не верю, что у вас получится, Вячеслав Романович, — ответил Немирович. — Квасненко не даст.

— Не каркай, Станиславский. Не верю! Не верю! Ты там дров не наломай. Не развращай местных красавиц. Это тебе не Москва, там все друг друга знают. Быстро на кол посадят.

Константин спустился на перрон под палящими лучами солнца. Какой-нибудь предмет на голове не помешал бы, но такового не было. Немирович обошел небольшое здание вокзала и вышел на привокзальную площадь. В отличие от Москвы здесь не было ни одного таксиста. А может быть, в этом городке вообще нет такси? Похоже на то. Костя огля-

нулся. Невдалеке он увидел автобусную остановку. На ней стояла пожилая женщина в косынке, с ведром и матерчатой сумкой.

— Здравствуйте, — сказал Немирович, подходя к женщине. — Не подскажете, как мне до РОВД добраться?

— Это до милиции, что ли? — переспросила женщина.

— Ну да.

— Это тебе надо прямо через мост, — указала рукой направление местная жительница. — А там, на втором перекрестке, налево повернешь. Мимо милиции не промахнешься.

Немировичу не очень-то хотелось в такую жару перемещаться пешком.

— А доехать ни на чем нельзя? — спросил он.

Женщина бросила взгляд на чемодан в руке у Константина.

— Можно, — ответила она. — Тогда жди автобус. Туда единичка идет и двойка. Только когда он приедет, этот автобус, одному богу известно. Ты бы на голову что-нибудь надел. В такую жару надо голову беречь.

Косте повезло, долго ждать не пришлось. Из-за поворота вырулил старый, небрежно выкрашенный ЛиАЗ. Лязнул дверьми и впустил Константина в накалившийся салон. Благо ехать было недалеко.

РОВД находился в старом, по внешнему виду дореволюционном здании из красного кирпича. Это было первое место в городе, где Немирович почувствовал прохладу. Дежурный проводил в приемную начальника. Приемной узкое помещение можно было назвать с большой натяжкой. За столом секретаря, занимающим добрую часть каморки, сидела худощавая женщина с большим носом и бесцветными глазами.

— Инна Васильевна, — обратился дежурный к женщине, — товарищ к начальнику.

Инна Васильевна вяло повернула голову в сторону Кости. Ощупав взглядом приезджего, посмотрела на чемодан.

— Это можно было оставить в дежурке, — шевеля узкими губами, сказала Инна Васильевна. — У нас тут не Москва. Не воруют.

— Почему вы решили, что я из Москвы?

— У меня глаза есть. Вижу.

— А если я из Ленинграда? — подкинул версию Немирович.

— Нет! — твердо ответила женщина. — В Ленинграде люди скромнее. Вы из Москвы.

Константин понял, что дискуссию он проиграл.

— Николай Иванович в горисполкоме, — сообщила Инна Васильевна и распорядилась: — Отнесите чемодан в дежурку и возвращайтесь. Начальник скоро будет.

Ильин Николай Иванович, начальник РОВД, вошел в приемную и уперся взглядом в Немировича. Николай Иванович — крепкий, среднего роста мужчина, с густой русой шевелюрой, квадратным носом и такой же формы подбородком. Сатиновая рубашка с обильными пятнами пота была заправлена в серые широкие брюки. В руке он держал немного мятую текстильную шляпу. Закончив с осмотром новичка, Ильин протянул руку в сторону Инны Васильевны и прохрипел:

— Инна, воды!

Секретарь быстрым движением наполнила граненый стакан до краев и подала начальнику. Ильин пил быстро и шумно. Кадык его подпрыгивал с каждым глотком. Осушив стакан, Николай Иванович расправил густые брови и вытер тыльной стороной ладони потный лоб.

— Ссылный из Москвы? — спросил начальник Немировича.

Костя кивнул.

— Заходи! — Ильин распахнул дверь своего кабинета и жестом пригласил Немировича войти.

— Личное дело твое к нам еще не пришло, — начал разговор Ильин, — но из области мне уже звонили. Сказали, оперативник опытный, но опальный. Велели с тобой построже быть. Во что вляпался?

— А это важно?

— Конечно, — опять сдвинул брови Ильин. — Я должен знать, кого в свой муравейник пускаю. Может, ты антисоветчик какой?!

— Не бойтесь. Советчик я, советчик. Делу партии предан. По семейным обстоятельствам сюда перевели.

Ильин прищурился и опять оглядел Немировича с ног до головы.

— Чего-то ты скрытный какой-то. Не люблю я этого. Фраза такая никакая: по семейным обстоятельствам. — Начальник махнул рукой на Константина. — Личное дело придет, я все узнаю. Значит, так, проверим, какой ты опытный. Начальник твой непосредственный, Мантуленко, попал в госпиталь. Вернется не скоро. Будешь пока вместо него. Пошли, представлю тебя в отделе.

Ильин пошел впереди. Выйдя в коридор, он остановился и опять окинул взглядом Немировича.

— Ты знаешь че, москвич, — сказал он, потирая нос, — ты как-то упростись, что ли.

— Не понял.

— Чего не понял! — Ильин подошел к Константину близко и дернул его за шлевку джинсов. — Это че?

— Брюки, — недовольно ответил Костя.

— У нас такие не носят. А это че? — Ильин указал на туфли.

— Туфли. Модные венгерские туфли. Чего вам не нравится?

— Модные не нравятся и венгерские не нравятся. Блестят так, что аж противно. Город маленький. Тебя в такой одежде все уркаганы быстро срисуют. Скромнее надо быть.